

Когда пробило время, Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян, облаченные в длинные китайские халаты-дагуа и традиционные матерчатые туфли, вышли на сцену. На головах у них чернели дужки беспроводных гарнитур.

Эти микрофоны Ху Чжунфа подготовил специально. Если Хромому Чжану в силу возраста и скупости движений хватало обычной стойки, то эти двое были молоды и энергичны. Стойка бы их только ограничивала — пара широких жестов, и звук просто перестал бы попадать в мембрану.

На сцене уже стоял традиционный стол для сяньшэна, покрытый ярко-алым шелком. На столешнице в строгом порядке лежали обязательные атрибуты: веер-чжэшань, складной платок и деревянная колотушка-синму. Чтобы бизнес в ночном клубе процветал, Ху Чжунфа не поспешил и обставил всё по высшему разряду.

Публика, ожидавшая привычного Хромого Чжана, при виде двух незнакомых юнцов заволновалась. По залу прокатился ропот: люди быстро смекнули, что старика заменили.

Под нарастающий шум Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян заняли свои места. Юэцзин встал перед столом, Чэньян — за ним. Роли распределились четко: первый — «доугэнь», ведущий комик, второй — «пэнгэнь», его напарник. Распределение они придумали сами, и Хромой Чжан не возражал — он обучил их обоим искусствам, и теперь пришло время пробовать теорию на практике.

Увидев, что молодежь собирается начинать, гости клуба недовольно загудели. Раздались свистки, кто-то выкрикнул имя старого мастера:

— Эй, валите отсюда! Где старейшина Чжан? Нам нужен Старейшина Чжан!

— Вы вообще кто такие?

— Пошли вон со сцены!

В зале воцарился хаос. В это время Хромой Чжан и Ху Чжунфа сидели наверху, в кабинете менеджера. Потягивая чай, они через панорамное окно наблюдали за происходящим внизу.

Цинь Юэцзин, на которого легла роль ведущего, от вида разъяренной толпы окончательно растерялся. Свист и крики больно били по ушам, он замер, не зная, куда деть руки.

Цзян Чэньян мгновенно почувствовал неладное. Сам он годами пел в барах и привык к любой публике. Две тысячи квадратных метров и три сотни подвыпивших гостей были для него делом житейским, но вот его напарник — всего лишь вчерашний школьник, сбежавший из дома.

Чэньян уже открыл было рот, чтобы взять инициативу на себя, но Юэцзин внезапно опередил

его.

Парень состроил такую плаксивую и обиженную мину, что зал на секунду притих.

— Вот говорил же я тебе — не надо идти! — запричитал Юэцзин, едва не всхлипывая. — Наш учитель, старый хрыч Чжан, совсем из ума выжил, раз заставил меня сюда выйти. Ты погляди, сколько народу! Мне же страшно! Вдруг я сейчас что-нибудь ляпну, и эти люди поймут, что зря потратили свои денежки?

С этими словами он с напускным отчаянием ткнул кулаком в плечо Чэньяна.

Услышав из динамиков, как ученик обозвал его «старым хрычом», Хромой Чжан в кабинете довольно хмыкнул. В их ремесле свято чтили правило: «На сцене нет чинов и возрастов, но за кулисами — строгий порядок».

— Ну, погоди у меня, сопляк, припомним мы тебе «старого хрыча», — пробормотал даос, расплываясь в улыбке. Главное — парень справился со страхом.

Цзян Чэньян на сцене едва заметно приподнял бровь. Он явно недооценил младшего — этой заготовки не было в их плане. Чистая импровизация, и какая удачная! Он тут же подхватил подачу:

— Да при чем тут деньги! С таким лицом тебе не в юмористы надо, а в сферу «особых услуг»!

Юэцзин картинно взбеленился и снова двинул напарника в плечо:

— Сам ты из «особых услуг»! Я говорю, что я здесь в первый раз, мне дебют полагается! А ты вместо поддержки хамишь!

Эта бесхитростная перепалка, полная жизни и искренности, внезапно «выстрелила». Свист прекратился, зал взорвался хохотом. Зрители почувствовали в этой дерзости тот самый дух Старейшины Чжана. Публика сменила гнев на милость, решив посмотреть, что еще выкинут эти двое.

Дальше пошли традиционные представления.

— Учитель наш — человек широкой души, — начал Юэцзин, засучивая рукава и упирая руки в бока, как базарная торговка. — Только вот с именами у него беда. Как можно было назвать меня Юэцзин? Юэцзин! Это же звучит как «эти самые дни»!

Гости сначала замерли, переваривая шутку, а затем грохнули в едином порыве. Имя Юэцзин действительно было созвучно с китайским термином для менструации, и каламбур зашел на

ура.

Чэньян вальяжно, с видом знатока, возразил:

— Да ты просто не понял глубины замысла. Юэцзин — это «лунное сияние», «блеск нефрита». Учитель возлагал на тебя большие надежды!

— Ага, как же! — Юэцзин так и прыгал от возмущения. — Старик это нарочно подстроил! Вредный он!

— Ну ладно, — примирительно махнул рукой Чэньян. — Может, и нарочно. Чтобы ты, так сказать, с первого дня на сцене показал кровью и потом, на что способен. Буквально!

Юэцзин от негодования так сильно толкнул напарника, что тот едва не отлетел.

— Да ну тебя! Что ты несешь? Ты напарник или где? Почему ты меня не остановил?

— Так ты ж не слушаешь никого!

— Ха-ха-ха! — зашлась в смехе толпа.

Их «разогрев» был построен на грани приличия, в лучших традициях Хромого Чжана: остро, местами грубо, но чертовски смешно. Когда зритель достаточно прогрелся, Чэньян «сдался» и перевел тему к основной программе.

— Ладно, ладно, успокойся, а то ведешь себя и впрямь как баба в «эти дни». Давай уже к делу.

Смех не смолкал. Началась основная часть — номер под названием «Забавные истории о Богах». Это был старый сценарий Хромого Чжана, высмеивающий персонажей классического романа «Возвышение в ранг богов». Раньше Чжан исполнял его в одиночку, но переделанный под двоих, номер заиграл новыми красками.

Юэцзин:

— И вот как-то раз Дацзи говорит императору Чжоу...

Чэньян:

— И что же она ему говорит?

— «Ой, батюшка-государь, — Юэцзин заговорил на ломаном деревенском диалекте, комично подражая женским интонациям, — чегой-то мне так ба-би-кю захотелось!» А император кивает, за руку её берет: «Ой, яхонтовая ты моя, и мне тоже охота! Забацаем сегодня?» — «А то!»»

Зал буквально лег от этого диалога на простонародном говоре.

Чэньян, едва сдерживая смехок, спросил:

— Ну, то, что они у тебя на говоре из глубинки шпарят — это я понял. Но какое еще барбекю? Откуда в древности барбекю?

Юэцзин хлопнул в ладоши:

— Так «барбекю» — это же их знаменитая пытка на раскаленном медном столбе! Человека привязывают, столб маслом мажут... Оно там как зашкварчит, как запахнет! Я сам не пробовал, но, думаю, если специй добавить...

Чэньян схватил его за руку:

— Стоп, стоп! Хватит! Мы тут юмореску рассказываем, а у тебя триллер про людоедов получается!

— Ха-ха-ха!

...

— В общем, из-за этого разврата императора Чжоу и началась война! А помогал во всем великий Цзян Цзя! — продолжал Юэцзин.

— Это точно, — подтвердил Чэньян.

— И вот выезжает Цзян Цзя на своем скакуне. Ты хоть знаешь, на ком он ездил? — Юэцзин пытливо уставился на напарника.

— Знаю, конечно. На Сибусяне — звере «Четыре-не-похожих». В книге так и сказано: голова единорога, хвост дракона, ступает по облакам, облетает весь мир в мгновение ока.

— Правильно! И вот Цзян Цзя выезжает на нем... цок-цок, цок-цок!

Чэньян нахмурился:

— Это что за звуки? У тебя Цзян Цзыя на шпильках выезжает, что ли?

— Это звук копыт! Чистый, звонкий! — настаивал Юэцзин.

— Да ты хоть поучись звукам-то! — безнадежно махнул рукой напарник.

Юэцзин, не обращая внимания, продолжал:

— А навстречу ему Шэнь Гунбао! На своем черном тигре! И тигр этот — у-у-у, у-у-у! — Юэцзин замахал руками, изображая когтистого зверя, и выдал серию странных гудков.

— погоди, — Чэньян изобразил крайнюю степень шока. — Какое «у-у-у»? У тебя Шэнь Гунбао на паровозе, что ли, выехал?

— Ха-ха-ха! — зрители вытирали слезы.

— Я просто имитирую! — оправдывался Юэцзин. — База сяньшэна — звукоподражание!

— Да ты липовый какой-то мастер! — Чэньян ткнул в него пальцем. — Не смей на улице говорить, что ты мой сокурник, мне позор такой не нужен!

Выступление длилось сорок минут. Когда они закончили, публика не хотела их отпускать — свистели, аплодировали, требовали «на бис». Но ребята, поклонившись, ушли со сцены. В суматохе дебюта они даже забыли исполнить коронный номер Чжана — «Нефритовую песню двух пиков».

За кулисами Юэцзина накрыл запоздалый мандраж. Его буквально трясло, ладони были мокрыми, хоть выжимай, а халат прилип к спине от пота. Но когда подошел Чэньян и остальные артисты принялись хлопать их по плечам, он наконец выдохнул. Не облажались!

— А ты шустрый, малый! — Чэньян по-братски обхватил его за шею и взъерошил волосы.

— Для первого раза — просто блестяще! — похвалила их Лили.

Остальные актеры тоже загалдели, а кто-то даже начал аплодировать.

— Хе-хе, спасибо всем! — Юэцзин смущенно заулыбался.

С этого дня они больше не были официантами. Отработал номер — и свободен.

Переодевшись, парни нашли Хромого Чжана, попрощались с Ху Чжунфа и втроем не спеша отправились домой.

На обратном пути Юэцзина прорвало. Адреналин бил ключом, он не затыкался ни на секунду, донимая учителя и Чэньяна бесконечной болтовней.

— Ой, я и не знал, что это ТАК круто! Когда вышел, в голове — белый лист, честное слово. Но потом как-то само пошло...

— А вы знали, что я раньше только в «Зале Счастья и Праздника» выступления слушал? И подумать не мог, что сам там стоять буду.

— Слушайте, а я тут подумал: некоторые шутки можно подправить. Если паузу потянуть, эффект будет сильнее...

Цинь Юэцзин болтал всю дорогу, до самого порога. Чэньян и Хромой Чжан переглядывались, слушая этот захлебывающийся поток слов, и тихо улыбались.

Все-таки молодость — великая вещь.

С того дня Хромой Чжан окончательно покинул подмости. На сцену клуба теперь выходил дуэт Цинь Юэцзина и Цзян Чэньяна.

Поначалу завсегдатаи горевали — мол, ушла эпоха. Но все понимали: старик не вечен. К тому же, видя, как рьяно Чжан продвигает своих учеников, многие решили дать парням шанс — хотя бы из уважения к мастеру.

И потихоньку втянулись. Парный сяншэн оказался куда динамичнее одиночного. Перепалки молодых актеров, их живые, современные шутки и дерзкий стиль «на грани», унаследованный от учителя, пришлись публике по вкусу.

Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян не просто удержали старую аудиторию — в клубе стало заметно больше молодых девушек, привлеченных харизмой новых артистов.

Ху Чжунфа, видя, что выручка только растет, не мог нарадоваться. Старейшина Чжан и впрямь оказался для него золотой жилой.